

ные, ни возможные критические замечания не снижают общего положительного значения рецензируемой работы. Она является ценным вкладом не только в венгерскую и чувашскую филологию, но,

судя по объему привлеченного материала (см. указатель языков, стр. 231—297), и в общее сравнительно-историческое языкознание.

ИМПРЕ ЗИКАНЬ (Ужгород)

<https://doi.org/10.3176/lu.1977.1.12>

Т. И. Жилина, Верхнесыольский диалект коми языка, Отв. ред. Е. С. Гуляев, Москва. Издательство «Наука», 1975, 268 стр. (Академия наук СССР. Коми филиал).

Самым важным направлением современного коми языкознания по праву можно назвать диалектологию. Ученые Коми АССР в этой области достигли определенных успехов, опубликованы монографии по верхневьчегодскому, присыктывкарскому, ижемскому и печорскому диалектам.¹ В ближайшие годы будут завершены работы по всем остальным диалектам коми-зырянского языка. Отрадно отметить и появление первой монографии по коми-пермяцкой диалектологии.²

Рецензируемая работа посвящена одному из самых интересных коми-зырянских диалектов — верхнесыольскому. Она состоит из следующих разделов: К истории заселения верхней Сысолы, Фонетика и Морфология. В качестве приложений представлены словарь диалектных слов и образцы текстов. Книге предпослано небольшое введение — От редакции, в котором определены цели и задачи исследования.

Верхнесыольский диалект распространен на территории бассейна р. Сысолы, левого притока Вычегды, в ее верхнем течении примерно от устья р. Тыбью до верховьев р. Сысолы; к данному диалекту относится также говор, на котором говорят по р. Кобра, правому притоку Вятки.

¹ В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневьчегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966 (Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, вып. 10); Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колечова, Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976.

² Р. М. Баталова, Коми-пермяцкая диалектология, Москва 1975.

Детальное изучение всех структурных особенностей верхнесыольского диалекта до сего времени не проводилось, хотя чувствовалась в этом острая необходимость. Данный диалект является как бы связующим звеном между коми-зырянским и коми-пермяцким языками и в то же время важнейшим звеном в цепи коми-зырянских диалектов как органическая часть их южной группы.

Территория описываемого диалекта, как и прилегающих к ней районов, в археологическом отношении изучена слабо, однако есть причины считать этот район издревле заселенным коми племенами. Об этом дает представление раздел «К истории заселения верхней Сысолы» (стр. 6—13), написанный этнографом Л. Н. Жеребцовым. На материале грамот, писцовых и переписных книг XVI—XVIII вв. автор показывает передвижение населения этого края. Кроме исторических и статистических сведений, для выяснения истории заселения верхней Сысолы Л. Н. Жеребцов привлекает фамилии и прозвища жителей.

В разделе «Фонетика» (стр. 14—58) характеризуется звуковой состав описываемого диалекта, имеющий ряд особенностей, многие из которых сближают его с коми-пермяцким языком, лузско-летским и среднесыольским диалектами коми-зырянского языка и отличают от других диалектов.

Главной особенностью данного диалекта является наличие двух специфических фонем — открытого *ö* и закрытого *õ*, которые не встречаются в других современных коми-зырянских говорах. Первым обратил на это внимание В. И. Лыткин: «Самой главной чертой этого говора (ВС) является наличие двух родов «о»: обыкновенного открытого, существующего

во всех других коми говорах и закрытого *o*, который мы изображаем «*O*». Этот звук встречается в определенных словах, независимо от положения, от качества соседних звуков и т. д., играет определенную дифференцирующую роль (пон — конец, пОн — собака; корся — ишу, кОрся — веник; кос — промежуток, кОс — сухой и т. д.), словом, этот звук является особой фонемой.»³

Позднее В. И. Лыткин дал названым звукам следующую характеристику: «... открытое *o* является звуком более низкого образования, чем русское и коми литературное *o*, этот звук условно можно назвать гласным средне-нижнего подъема; закрытое *o* — это звук средний между русским *o* и *u*, условно можно назвать его гласным средне-верхнего подъема».⁴

Раздел о закрытом и открытом *o*, об истории их изучения для данной монографии написан Е. С. Гуляевым (стр. 14—19).

Современные коми диалекты активно взаимодействуют между собой, что ведет к исчезновению специфических узлокальных явлений в коми речи, их нивелировке; вырабатывается единый общенациональный литературный коми язык. Закрытый *o* быстро утрачивается, еще в 1930 г. В. И. Лыткин составил перечень слов с ним.⁵ Этот список был дополнен Т. И. Жилиной.⁶ Автор монографии правильно поняла, что для науки не менее важны слова с открытым *o*: приводится перечень слов с ним (стр. 21—25).

Остальные гласные и все согласные по артикуляции и акустическим признакам не отличаются от соответствующих звуков коми литературного языка. В говоре с. Кобра имеются фонемы *ф*, *х*: *фат'эра* 'квартира', *трахмал* 'крахмал'.

Особое внимание обращают на себя различные фонетические явления. Так, Т. И. Жилина указывает, что в определенных фонетических условиях между мягкими согласными на месте этимологического гласного *a* других диалектов произносится *э*: *йэй* 'мясо', ср. скр. *йай*; *чэл* 'мизинец', ср. скр. *чал*'. Данное явление широко распространено в севернорусских говорах: *зеть* (лит. *зять*), *меч* (лит. *мяч*).⁷

Говор с. Кобра отличается от других говоров верхнесельского диалекта, а также от всех коми диалектов употребле-

нием гласного *o* на место *ö* в середине и в конце слова: *вибo* 'болеет', вместо *вибö*; *мэнo* 'меня' вместо *мэнö*.

По употреблению чередующихся во многих диалектах коми-зырянского языка звуков *л* ~ *в* в конце слога верхнесельский диалект относится к эловому типу, т. е. в конце и середине слова перед согласными сохраняется этимологический *л*: *йöл* 'молоко', *йöлтöгe* 'без молока'.

Для коми говоров характерно употребление вставочных звуков *й*, *м*, *к*, *т*. Описываемый диалект представляет собой переходную зону между другими коми-зырянскими диалектами, которым свойственно употребление вставочных звуков, и коми-пермяцким языком, в котором они отсутствуют. В данном диалекте вставочный звук чаще всего отсутствует: *бордыс* 'крыло-то', *борда* 'крылатый', *бордэсны* 'открыться', *бордён* 'крылом', ср. *борд* 'крыло'.

Однако автор зафиксировала формы и со вставочным звуком: *бускöб* 'пыльный, запыленный' (Кобра), ср. *бус* 'пыль'.

Нужно отметить, что в отношении употребления *т' ~ йт* и *д' ~ йд* в конце морфемы данный диалект, как и другие южные коми-зырянские говоры, занимает промежуточное положение между северными коми-зырянскими и коми-пермяцкими диалектами: *вот* 'капля', *кват'* 'шесть', *бад'* 'ива', *бэд'* 'палка'.

Перед лично-притяжательными и указательными суффиксами *-ыд*, *-ыс* в суффиксе множественного числа *-йас* выпадает *с*: *столайыд* 'сугробы-то; наши сугробы', ср. скр. *толайасыд*; *вöлийыс* 'лошади-то; его лошади', ср. скр. *вöвийасыс*, хотя в говорах некоторых населенных

³ В. И. Лыткин, Диалект Кобры. — Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 1, Сыктывкар 1930, стр. 32.

⁴ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 26—27.

⁵ В. И. Лыткин, Диалект Кобры, стр. 32—33.

⁶ Т. И. Жилина, Основы с закрытым *ö* в современном верхнесельском диалекте. — Коми филология, Сыктывкар 1972 (Труды Института языка, литературы и истории, № 14) стр. 122—128.

⁷ В. И. Лыткин, Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский. — Материалы и исследования по русской диалектологии II, Москва—Ленинград 1949, стр. 149—157.

пунктов (Грива, Карвуджем, Ужга, Мыр-помаиб) параллельно употребляются и формы на *-йавид* и *-йаис* и *-йасыд*, *-йасыс*: *чэрийавид* 'рыбы-то' и *чиббйасыд* 'жеребят-то'; *синйаис* 'глаза-то' и *пбнйасыс* 'собаки-то'.

В отношении места ударения верхне-сыольский диалект, отличаясь от литературного коми-зырянского языка, приближается к коми-пермяцкому, в котором ударение в значительной мере морфологизировано: *вартан* 'цеп', ср. скр. *вартан*;

вбралыс 'охотник', ср. скр. *вбралыс*; *лыд'д'ысны* 'читать', ср. скр. *лыд'д'ысны*.

Однако в парадигмах склонения и спряжения отмечается тенденция ставить ударение на первом слоге, как в большинстве коми-зырянских диалектов: *юд-жало* 'работает', *юджалим* 'мы работали'.

В разделе «Морфология» (стр. 59—154) детально описывается каждая часть речи. Описание сопровождается богатой иллюстрацией. Впервые обстоятельно изучены значения и функции падежей. Так, в описываемом диалекте, как и в средне-сыольском и лузско-летском диалектах и в коми-пермяцком языке, имеется сравнительный падеж на *-са*; *ошса мустом тэ* 'ты противнее медведя'.

Сравнительный падеж местоимений употребляется в форме *мэсса* и *мэссам* 'по сравнению со мной', *тэсса* и *тэссад* 'по сравнению с тобой'.

Показателем дательного падежа может выступать *-ло*, присущий коми-пермяцкому языку и лузско-летскому диалекту: *мбсысло* 'корове'.

Форму 1-го лица индивидуального обладания имеет только винительный падеж (*-ос*): *козайасос* 'коз'. Коллективная форма на *-н* в определенно-притяжательном склонении вообще не встречается.

Творительный падеж лично-притяжательного склонения имеет два варианта суффиксов: *-над*, *-нас* (общекоми модель): *пыжнад* 'на лодке', *кбрсанас* 'веником', и *-надон*, *-насон* (специфические диалектные показатели): *карнаннадон* 'на коромысле', *пыридзнасон* 'пешней'. Последние представляют собой композиции из других суффиксов творительного падежа: *-над + он*, *-нас + он*.

Лишительный падеж также имеет два варианта суффиксов: *-тог* и *-тогейи* (в Кобре), *-тогйа* (во всех отдельных говорах): *пурттог* 'без ножа', *талунтогйа*

'не считая сегодняшнего дня'. В личных местоимениях 1-го и 2-го лица единственного числа этот падеж употребляется в формах: *мэтөг*, *мэтөгйа*, *мэтөгйам* (*мэтөгейим*) 'без меня'.

Продолжая разговор о падежной системе местоимений, можно подчеркнуть, что косвенные падежи местоимения 3-го лица множественного числа *н'ийа* 'они' образуются присоединением соответствующих падежных суффиксов к полной основе: *н'ийакөд* 'с ними', *н'ийало* 'им'. Усилительно-личные местоимения в большинстве падежей преимущественно употребляются с полными основами. В послеложных конструкциях они выступают в форме именительного и родительного падежей и реже в усеченной форме *ас*: *аыным моз* 'по-моему', *асланис ордын* 'у них самих', *ас йылсыд* 'о себе'.

У существительных данного диалекта наблюдается тенденция обозначать названия парных частей тела и связанных с ними парных предметов формой множественного числа в отличие от древнего употребления в указанном случае формы единственного числа: *пэл'л'асон омло'а понды кылы* 'я плохо стала слышать ушами'. Такое же явление наблюдается в лузско-летском диалекте и коми-пермяцком языке.

Детально изучено и словообразование существительных. Характерно для данного диалекта употребление именных словообразовательных суффиксов *-анка*, *-чи*, *-эн'а*, *-анбй*, *-шбн*: *мыссанка* 'умывальник', *гоборчи* 'жители с. Кобры', *гривэн'а* 'жители с. Гривы', *мбсанбй* 'коровушка', *вблшбн* 'лошаденка'.

Необходимо отметить, что автор слишком увлекается суффиксами и находит их даже там, где они явно отсутствуют, например, в слове *т'эпыс* (лит. *кепысь*) 'рукавицы' выделяет суффикс *-ыс*. Слово это сложное, состоит из двух корней *т'э* (<кэ) 'рука' и *пыс* 'варежка', т. е. 'ручная варежка', ср. удм. *пбзь* 'варешка, рукавица' (КЭСК). В слове *йукмбс* автор выделяет суффикс *-ос*. В данном случае мы также имеем дело со сложным словом, общеперм. **juk|mes*. Первый компонент одного происхождения с ю 'река' или *юктавын* 'поить', *юны* 'пить'. Вторая часть, возможно, означала 'источник', ср. *би|мбс* 'колодец' (КЭСК). Элемент *мбс* часто встречается в гидронимии в значении 'источник, исто-

ки': Джумгамӧс, Кочмӧс, Мӧдмӧс, Сӧдз-мӧс, Сьӧдмӧс, Чермӧс, Ядмӧс.⁸

В словах *ӧдзӧс* 'дверь', перв. 'передняя дверь' и *ыбӧс* 'ворота на верее', перв. 'задняя дверь' компонент *-ӧс* также не суффикс, а самостоятельное слово со значением 'дверь', ср. уд. *ӧйс*, лл. *ӧвь*, *ӧдз*, удм. *ӧс* 'дверь' (КЭСК).

Слова *кушман* 'редька', *палтан* 'подлещ, подлещик (рыба)', в которых автор выделяет суффикс *-ан*, фактически представляют собой заимствования: первое — из чув. *kušman* (КЭСК), а второе — из фин. *pallas, paltaan*.⁹

То же можно сказать и о *зорӧд* 'стог' и *н'амӧд* 'портянка, портянки', где выделяется псевдосуффикс *-ӧд*. Первое слово заимствовано из рус. *зорѳд*, а второе — из иранских языков *namat, nāmād* (КЭСК).

В разделе «Имя прилагательное» привлекает внимание вопрос о словообразовании. Автор акцентирует, что в верхнесысольском диалекте бытуют, как и в коми-пермяцком языке, прилагательные с заимствованным из русского языка суффиксом *-ӧвӧй*: *кӧртӧвӧй пач* 'железная печка', ср. *кӧрт* 'железо'; *пӧвӧй пань* 'деревянная ложка', ср. *пу* 'дерево'.

В образовании числительных также имеются различия. Формы типа *н'ол'дас*, *виг'дас*, *кваг'дас* характерны для коми-пермяцкого языка, а две последние и для лузско-летского диалекта.

В верхнесысольском диалекте употребляются отсутствующие в других коми диалектах местоимения *ӧвӧ*, *эвӧ*, *ӧвӧ* 'он', которые автор считает заимствованиями из русского языка. Нам кажется, их верную этимологию дал В. И. Лыткин¹⁰, первую часть *je-* сопоставив с фин. *jo-*, мар *ju-*, мордЭ *ju-*. Вторая половина *e* — эмфатическая частица, а *v* — вставочный звук для устранения зияния. С подобным явлением мы встречаемся в других коми местоимениях, например,

⁸ А. Туркин, О некоторых гидронимических формантах Вычегды. — СФУ VII 1971, стр. 198—199.

⁹ В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка. — Коми филология, Сыктывкар 1975 (Труды Института языка, литературы и истории, вып. 18), стр. 35.

¹⁰ В. И. Лыткин, Этимологии. 3. *jeve* 'он'. — JSFOu 72 1973, стр. 232.

ci|j|ӧ 'он', *ta|j|ӧ* 'этот'. Местоимение *ӧвӧ* образовалось еще в финско-пермскую эпоху. На наш взгляд, удачно составлены таблицы (7, 8) склонения личных и усилительно-личных местоимений.

Раздел «Глагол» написан на богатом фактическом материале. Основное внимание обращается на коми инфинитив, который еще недостаточно изучен. Употребление инфинитивных суффиксов *-ны* и *-ыны* в некоторых случаях отличается от такового в большинстве диалектов коми языка: показатели выступают в зависимости от фонетических условий. Если основа глагола оканчивается на один согласный, оформителем инфинитива становится *-ны*: *мун|ны* 'идти', *лок|ны* 'прийти'. Когда корневая морфема оканчивается на группу согласных, выступает *-ыны*: *пукт|ыны* 'положить', *кучк|ыны* 'ударить'.

В верхнесысольском диалекте суффикс *-ны* может выступать там, где в северной группе диалектов мы находим *-ыны*, и наоборот: *кын|ны* 'заморозить', ср. скр. *кынтыны*; *мынт|ны* 'заплатить', ср. скр. *мынтыны*; *мустӧм|тыны* 'ненавидеть', ср. скр. *мустӧмтыны*.

В системе инфинитива в описываемом диалекте имеются определенно-притяжательные формы, однако в отличие, например, от верхневьчегодского диалекта, парадигмы этих форм представлены здесь в неполном виде. Определенно-притяжательную форму 1-го лица единственного числа и формы 1-, 2- и 3-го лица множественного числа инфинитив в данном диалекте не имеет.

В парадигме спряжения глагола в верхнесысольском диалекте есть ряд специфических черт, о чем ясное представление дает табл. 8.

Особо следует отметить подробный анализ словообразования глаголов. Здесь приложен максимум усилий для выявления различных способов образования глаголов и выяснения основных значений, встречающихся в диалекте суффиксов. Например, очень продуктивен сложный глагольный суффикс *-ӧал* (*ӧ + ал*). По значению он синонимичен суффиксам *-з'*, *-м*, *-ал*, *-ӧс* и обозначает становление каким-либо, приход в какое-либо состояние: *ӧйс|алны* 'леденеть', ср. скр. *ӧиз'ыны*; *дон-тӧм|салны* 'дешеветь', ср. скр. *донтӧммыны*. Данный раздел представляет собой значительный вклад в разработку словообразования глаголов коми языка.

Исследование причастий и деепричастий проведено на большом фактическом материале.

Наречия верхнесысольского диалекта имеют ряд отличий от других коми диалектов в своем лексическом составе. Многие наречия заимствованы из русского языка или образованы от русских корней.

В монографии значительное место уделено послелогам. Автор анализирует значение каждого послелога, опираясь на многочисленные примеры.

Частицы и союзы рассматриваются по группам.

В словарь верхнесысольского диалекта (стр. 155—254) включены слова и выражения, не зафиксированные в ССКЗД. Они паспортизированы. При передаче звукового облика слов, как и примеров в монографии, применена принятая в коми языке транскрипция. Общее число специфических лексем составляет около 4000 слов и выражений.

В конце рецензируемой работы приложены тексты (стр. 255—264), представляющие собой бытовые рассказы и материалы фольклорного характера.

В монографии отсутствуют схема расположения населенных пунктов по верхней Сыsole и список географических названий. Между тем при выяснении многих исторических процессов языка топонимия служит единственным источником.

Работа «Верхнесысольский диалект коми языка», выполнена, как и предыдущие монографии, в статистическом плане. Приходится только сожалеть о том, что в исследовании нет экспериментальных данных происхождения своеобразных фонем диалекта.

В целом рецензируемая книга весьма полезна и может оказать неоценимую помощь в деле изучения пермской диалектологии.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

В. И. Учкина, Инфинитив в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1975.

14 ноября 1975 г. на заседании Совета исторического и филологического факультетов Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации аспиранткой Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР В. И. Учкиной на тему «Инфинитив в мордовских языках». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук доцент М. Мосин (Саранск).

Если прежние диссертации по мордовским языкам были посвящены в основном синхронному описанию какого-либо диалекта, то в данном случае объектом изучения послужила одна грамматическая категория — инфинитив, — которая в мордовских языках в таком плане еще не исследовалась.

Необходимый языковой материал почерпнут автором из художественной литературы и периодики, фольклора и диа-

лектных записей. При анализе инфинитивных форм имелись в виду следующие аспекты: 1) история происхождения форм, 2) их семантическая и морфологическая природа, 3) синтаксическая роль, т. е. способность вступать в грамматические связи в составе словосочетания и предложения.

Благодаря хорошему знанию материала, а также обстоятельному и умелому анализу В. И. Учкиной удалось в своей работе дать всестороннее и убедительное описание сущности категории инфинитива в мордовских языках.

В первой главе (стр. 7—82) приводится морфологическая характеристика мордовского инфинитива. В восьми разделах рассмотрены такие вопросы, как история образования инфинитивных форм, диалектные формы инфинитива, формы объектного спряжения, инфинитив и имена действия, инфинитивные основы, а также все отличающиеся друг от друга по форме типы инфинитива (номинативный, иллативный и аблативный).